

«Когда слову поведает душа...»

В конце прошлого года в Республике Армения на армянском языке вышла книга русского поэта Ивана Переверзина, являющаяся дальневосточным вкладом в развитие российско-армянских литературных связей. Называется она «Северные цветы». Вступительная статья составлена видным армянским поэтом и переводчиком Левонем Блбуляном. «ОЛГ» с удовольствием публикует её.

Левон БЛБУЛЯН

Было время, когда мы читали, знали и по достоинству могли оценить не только своих писателей, но и без труда охарактеризовать творчество большинства живших и писавших в Советском Союзе выдающихся поэтов и прозаиков. Великим и непростоимым был интерес не только к русским, но и к поэтам других национальностей: украинским, грузинским, прибалтийским, киргизским, казахским... Даже люди далёкие от литературы знали творчество Сергея Михалкова, Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Булата Окуджавы, Юрия Бондарева, Валентина Распутина, Нодара Думбадзе, Беллы Ахмадулиной, Кайсина Кулиева, Эдуардаса Межелайтиса, Чингиза Айтматова и других. Оценка и признание творчества писателей не были односторонним процессом — Сильва Капутикян, Паруйр Севак, Геворг Эмин, Грант Матевосян завоевали широкую читательскую аудиторию в России и республиках Союза. Регулярно на русском или на национальных языках читателю представлялись наши признанные писатели. И всё это было, вне сомнения, замечательно.

Совершенно иная картина сегодня. Не только рядовой читатель, но и подчас писатели в неведении, в какие творческие процессы втянуты наши собратья по перу, какие заботы и борения, скажем, у наследников богатой, имеющей прекрасные традиции русской поэзии, среди которых, по всей вероятности, и по сей день немало художников, чьё творчество, основанное на классических принципах, представляет сегодняшнюю реальность и современность свежим словом. Разорванные духовно-культурные связи вот уже двадцать лет не позволяют должному познанию друг друга, общению, взаимообновлению.

К счастью, связи имеют тенденцию восстанавливаться. Когда я был в феврале 2009-го года в Москве на 7-ом съезде Международного сообщества писательских союзов, то убедился, что мои коллеги, приехавшие из разных стран, проник-

нуты тем же осознанием, желанием и побуждениями: нужно восстанавливать, укреплять теснейшие общественные, личные и профессиональные связи, какие были в прошлом, которые способствовали развитию национальных литератур, их взаимобогащению, широкому распространению. Всех нас глубоко взволновала приветственная речь председателя исполкома МСПС, маститого писателя, патриарха русской литературы Сергея Михалкова, она была наполнена художественной силой, глубокой верой в призвание писателя и его миссию. «Быть вместе — таков главный девиз всей нашей организации, а значит, и этого съезда, — сказал он. — А быть вместе означает помогать делу распространения талантливого писательского слова, из какой бы страны оно ни исходило, чтобы звучало оно как можно шире».

В те дни от нескольких поэтов я получил в подарок их сборники. Уже в Ереване снова прочитал те стихи, которые вызвали у меня интерес как у переводчика. Несомненно, каждый был достоин внимания, однако своим свежим и оригинальным мышлением, тонким лиризмом, лёгкой непосредственной ритмикой меня особенно привлек Иван Переверзин. Совершенно верно было отмечено в аннотации, что автор имеет удивительный дар видеть, вести душевный разговор о «вездесущих тайнах, о возвышенном и прекрасном, укрытых в обычном, в повседневности». Вскоре в периодической печати появились мои первые переводы его стихов. Как и ожидал, положительные отзывы товарищей по перу не заставили себя ждать...

Иван Переверзин, который, по оценкам многих литературных критиков, «один из ведущих поэтов новой русской волны начала 21-го века», является заслуженным деятелем искусств Российской Федерации, обладателем «Золотого пера Москвы», лауреатом премий Р.Рождественского, Н.Рубцова, журнала «Наш современник» и других. Он родился в 1953 году в маленьком якутском селе Жатай, в семье учителя, окончил лесотехническое училище в Хабаровске, а затем экономический институт в

Братске. Поиск и познание самого себя затаились на годы.

Некогда колхозник, косарь и механизатор спустя время становится прорабом на стройке, директором совхоза, председателем сельсовета, пока в нём окончательно не проявится творческое начало; начинает публиковать в местной и центральной прессе первые стихотворения. Затем жизненный путь приводит молодого человека в Москву, в литературный институт имени А.М. Горького...

*Идёт буря по меткам крови,
Бежит олень — и волки вслед...
Земли якутской нет суровей,
Но и заветней тоже нет.*

Суровый и священный край с жестокими морозами, первозданная вековая тайга со своими писаными и неписаными законами выковали упорный и сильный характер, с самого раннего детства заложили важнейшие нравственные основы в душе будущего поэта, закалённой затем в горниле работы личности. («Я людям с юных лет известен // Работой сельской на дугах...»). Незаменимые уроки жизни, преподанные природой и людьми, яркие воспоминания в дальнейшем всегда помогали и помогают поэту в любых обстоятельствах оставаться верным духу истинного сибиряка.

*Ничего вовек не вернётся!
И не надо, у всего свой срок...
Но из детства, словно из колодца,
Черпать и не вычерпать мне впрямь
Ярких красок росыхи малинной,
Вдохновенных песен соловья, —
Чтоб душа была всегда красивой
От неповторимо чистых слов...*

И это удаётся поэту. Только красивая и глубоко чувствительная душа способна тонко воспринять, переосмыслить обаяние жизни так, как это делает Иван Переверзин, который дарит множество прекрасных строчек родному краю, проникнутых любовью к нему, восхищением и гордостью. Во многих стихотворениях он просто-таки проповедует жизнелюбие, в неожиданных словах и образах выражает свою преданность к отчуждённому, к неповторимой его красоте. Именно в природе родного края поэт берёт жизненные силы и те импульсы, что позволяют отойти от уставшим от повседневных забот и «гринш» жизни телу и душе. Он удаляется в заповедные места, чтобы взглянуть:

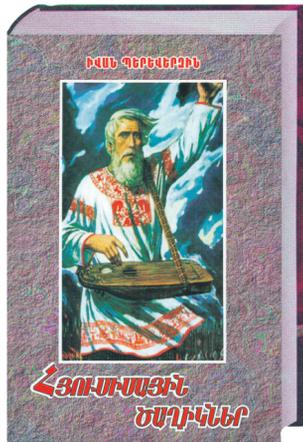
*На неба синь, и солнца свет,
И море светло-голубое,*

*Как вера в то, что смерти нет
И жить на этом свете стоить...*

Но, естественно, не только «светлые и тёплые», чистые переживания мы находим в его произведениях. Любимый истинный поэт, если даже пожелает, не сможет избежать неприкрытой действительности. А она, к сожалению, часто наводит на горькие размышления, заставляет разрождаться жалобами и взрываться возмущением. Это «смутное и неясное» время — злополучный, называемый переходным, период со всеми его трудностями и сложностями.

*Пусть будущее — прах!
Пусть прошлое — сурово!
Забудь плохой страх,
Забудь злое слово...*

Яркие, оптимистического характера размышления временами сменяют горькие раздумья, иногда пессимистические настроения («Будто миром правят черти, — // И стогают мир во зле...»), которые являются не следствием движения назад, но переосмыслением новой действительности.

сти во всей сложности и разнообразности. Поэт осознаёт, что настоящая жизнь такова, какой её преподносит людям действительность, и поэтому нужно не бежать от правды («От судьбы никуда не убежать, // Если даже бежать что есть силы!»), а принять её не разочаровываясь, противостоять ударам судьбы, хранить душу «всегда в любви» и закалять сердце в «горниле жизни». Пусть даже в минуту отчаяния поэт и вздыхает: «Где я, куда я приду наконец, // Смутно-

го времени светлый певец?» Однако вскоре мы убеждаемся, что автор уже нашёл и доверяет нам свой способ не озлобиться на этот мир, пусть даже полный «злых козней».

*Чудес на свете не бывает,
Но надо верить в них всегда...
Глядишь, вновь сердце воссияет
И станет радостью беда...*

Трудно внять такому доброму и светлому наставлению, но хочу сразу же ему противопоставить другие, пусть и выравненные в душевном волнении, слова: «Вы не верьте в тоску мою, // А вот в радость мою поверьте!» Как в горести и тоске, так и в радости и ликованиях откровенен автор, полностью открыт как сам перед собой, так и перед читателем. Не притворяется, не преувеличивает, никогда не позирует. Психологически убедительны и оправданы не только его сматенение и тревоги, но и воодушевление и восторги, глубоко пережитые все те душевные состояния и треволнения, которые он умело обрабатывает в слова и строчки. Стих за стихом он слетает кружево проникновенной истории души чувствительной и благородной, зачастую кажущейся причастной к неким высоким неземным событиям.

В этой книге души, особенно открытой, выделяется любовная лирика, где слышатся и исповедальные нотки. Стихи раскрывают те тайники души поэта, в которых хранятся истории безразудной юности, счастья и любовных радостей, обжигающие воспоминания о тоске и ожидании, разочарованиях, вине и раскаянии. Его жаждущее приключений сердце вкусило и познало любовь во всех её проявлениях и, ставшее мудрым на пути испытаний, во всеулыбчивости заявляет: «В любви мне равного нет!» Далее поэт оглашает свой главнейший девиз:

*Пусть любовь сияет всюду,
Где проходил я, чуть дыша...*

В противоречивых размышлениях, в холоде и тепле различных душевных состояний выросло ещё одно полное тайны эстетическое умоаключение, питающееся не только любовью, но и вообще позитивным отношением автора к миру:

*Обиды, слёзы, жажда долгой мести —
Увы бывают, всем грозит потеря...
Но вынести любовь свою из смерти
Не всем дано. А мы — сумеем! Верю!*

Читая страницу за страницей сборник стихов Переверзина, общаешься, познаёшь и сближаешься с человеком, связанным с родной природой и обожающим своё отечество, который не только бесконечно любит родину, но и является её солдатом в борьбе за правду и справедливость. Однако в поэте всегда присутствует и философ,

размышляющий о жизни и смерти, о вечном и проходящем, порой противоречивый и категоричный, но глубоко мыслящий. Читаю и убеждаюсь, что автор имел право сказать:

*Я, может, лишь на том стою,
Что жизнь великую увидел...*

Убеждаешься и в том, что увиденное и пережитое он в состоянии переосмыслить, спустить до афоризма, сжать в короткую речь, часто всего в двух четверостишиях заключить и выразить больше, чем иные в своих непомерно длинных стихотворениях. Это можно причислить к важным, необходимым свойствам поэзии наших дней, может быть, даже, к обязательным её условиям. Но когда в дело вступает ещё и подчёркнуто образное поэтическое мышление, ощущаешь авторское всезаемчающее око («Я в сером небе вижу голубое // И зрю сквозь снег зелёные холмы») и тем более ёмким и достоящим до сердца становится сказанное. Рождаются строки, которые напоминают живопись в словах, «зазывая» тебя на некую выставку картин, где, переходя от одной к другой, видишь, как «на осени рыжей // полшалок багряный» и «поля от края и до края, // где рожь на солнце золотая, // как грива конская, густа...». После этого считаешь совершенно естественным, что «рассвет озёрное стекло // туманной ватой протирает», а «снег полыхал огнём невиданным // из серебра литого сплошь...»

*Эх, как здорово поведать
Душу слову, а потом
Отпустит его по ветру
Погулять за окоём...*

В завершении я привёл это, такое глубокое по содержанию и впечатляющее в своей простоте, четверостишие, каких у автора много, чтобы сказать, что и мне во время работы над переводом книги часто передавалась от поэта радость творчества. Всё больше и больше убеждался, что мне не повезло лирически приобщиться к таинству талантливого переложения души в слова, стать свидетелем борений и благородных порывов настоящего творца.

Хочу надеяться, что его стихи на армянском зазвучат так, чтобы они стали порхать от «сердца к сердцу», вселяя в них любовь, и прольются в душах «тёплыми и яркими дождями». А Иван Переверзин, который переполнен творческой силой и энергией, подарит читателю своими новыми произведениями, останется верным своим поэтическим принципам, таланту и себе самому и продолжит возложенную на него свыше миссию:

*И я вовек не успокоюсь,
Пока в словах пылают свет,
Ворвусь в грядущее, как повед,
Как Богом признанный поэт.*

«Нам повезло, у нас есть Распутин...»

Эдуард АНАШКИН

← ②

Личность личность, но для молодого писателя, каким я впервые пришёл в «Наш современник», кое-что значит и «с кем поведёшься». Я «повёлся» в журнале с Абрамовым, Белым, Астафьевым, Евгением Новиковым, Лихоносовым, Солоухиным, Троепольским, Юрием Селезнёвым, и это, наложившись на личностный «наклон» пера, на всю жизнь определило мою писательскую дорогу... Начиная всякий раз новую работу, я уже представлял, как она будет напечатана в «Нашем современнике» и как он возьмёт на себя заботу связать меня с читателем и издателем. Это больше, чем просто литературный процесс с участием автора и журнала, нет, это что-то вроде духовной сращённости. В каждом номере уже много лет, независимо от того, есть в нём мои строки или нет, я невольно чувствую своё присутствие, а с другой стороны — присутствие журнала в себе. Где бы что ни писали, ни говорили о «Нашем современнике», это касается меня...

...Открываю дневник, нахожу такую запись: «30 марта. Пятница, 2007 год. В «Литературной газете» Татьяна Дороница в своём отклике на 70-летний юбилей Распутина пишет: «Вот и нынешний 2007 год, названный Годом русского языка и совпавший с юбилеем Валентина Григорьевича Распутина, для меня и коллег — тоже своеобразная коронация могущества его писательского таланта. Таланта, который, несмотря ни на что, до сих пор держит уклон литературы в «колее» благородного творчества, нравственного самоограничения, христианского предания». Под вечер принесли почту — газеты и третий номер журнала «Наш современник», столь любимого Распутиным (да разве только им!). Номер открывался сообщением: «В знак любви и почтения к выдающемуся нашему современнику редакция журнала решила посвятить этот номер

Валентину Григорьевичу Распутину. Материалы о творчестве, а также произведения его земляков читайте под рубрикой «Иркутские страницы». В этом журнале о Распутине говорили и размышляли Виктор Лихоносов, Савва Ямщиков, Игорь Шафаревич, Владимир Бондаренко, Валентин Курбатов, Владимир Крупин. Особенно мне на душу легли слова последнего из перечисленных писателей — слова, под которыми могли бы подписаться миллионы благодарных читателей: «Нам повезло, у нас есть Распутин. Он русский классик, значит лидер мировой литературы...»

В ноябрьском номере «Нашего современника» за 2003 год была опубликована повесть Валентина Григорьевича «Дочь Ивана, мать Ивана». Сначала тишина, затем — началось. Не только в столице, но и в провинции. Даже земляки легли на писателя. — Видимо, за то, что «посмел» стать в классиком при жизни. Так, некий Серёдкин из Черемхово в статье «Предательство возле в ранг доблести» («ЛитРоссия», № 13 от 31.03.2006), пища, в общем, о Солженицыне, попутно обрушился на Распутина, проводя непродуманную в принципе аналогично художественных достоинств между прозой того и другого. Одна из самарских газет, рассказывая об организации повести Валентина Распутина «Живи и помни», назвала повесть «непопулярной». Позабавило в этом материале интервью режиссёра фильма А.Пропкина некой журналистке: «У Распутина вообще много литературщины, которую в фильме нельзя ставить. Повесть ведь очень принадлежит своему времени, невозможно сегодня читать её...»

Но я согласен с «популярным», видимо, режиссёром, давшим в газете интервью некой тоже «популярной», видимо, журналистке: Валентин Распутин категорически не популярный писатель! Оставим популярность голосистым певичкам, сочинительницам дамских романов до журналисткам бульварных провинциальных газет. Популярность переходяща. Приходит и уходит идеология, мировоззрение, президенты. А «непопулярная» классика — живёт. И повесть Распутина останется в веках, потому что помогает постичь суть нашего сложного бытия...

Каждое общение с Распутиным для меня — событие, о котором долго помнится, размышляется... И вот от метро «Парк культуры» иду по Комсомольскому проспекту в правление СП России: вчера созвонился с Валентином Григорьевичем, договорились о встрече сегодня, в 14 часов. Перво-наперво, как у меня повелось, захожу в Храм Самовитыля Николая Чудотворца в Хавтовниках, что неподалёку. Намолённый храм, старинный, начал своё служение Господу ещё в 1625 году... Как всегда, Распутин точен: ровно в назначенное время встречаемся в здании союза писателей.

Подавая руку, он спросил, была ли презентация моей новой книги. «Нет, Валентин Григорьевич, — ответил я, — не состоялась. Видно, не надо это никому». — «Как же так? — недоумевал Распутин. — Книга-то хорошая. А тираж какой? Пятсот экземпляров? Очень мало для такой доброй книги». Я ответил, что и таким тиражом выпустить в наше время книгу — удача. И рассказал случай из жизни одной поэтессы, моей поволжской землячки. Однажды она попросила самарского предпринимателя помочь издать сборник стихотворений. Цена вопроса — 10 тыс. руб. Вердикт тем не менее был таков: «Лучше я эти деньги пропью...» Валентин Григорьевич, когда я ему эту историю поведал, грустно улыбнулся...

В конце 2002-го у меня в Самаре вышла книга рассказов и повестей о детдомовском детстве «Запрятая судьба я в санки». Этот небольшой по объёму сборник — самый дорогой мне, потому что предисловие к нему написал Распутин. И назвал он его: «На добро добром», напоминала своим современникам о самом главном в русском укладе жизни. И с тех пор я уверовал, что, при всей моей любви к Достоевскому, не красота, а доброта спасёт мир. Потому что доброта — это и есть истинная красота.

Я предложил Валентину Григорьевичу пройти в кабинет приёмной комиссии Союза писателей России к Светлане Вьюгиной. Она человек, одним из главных качеств которого является именно доброта. Хозяйка заварила чаю, собрала на стол... Однако уединения не получилось. Заглянул в кабинет один писатель, подосел Александр Болотов, тогдашний председатель Псковской писательской организации. Распутин дружески с ним обнялся... Тесен писательский мир. Но как порой подерживает нас такая вот «теснота», помогающая ощутить плечо духовно близких! Стали разговаривать, и я не смог не похвастаться: достал из портфеля распутинскую книгу «Что в слове?», выпущенную ещё в 80-х в Иркутске. Приятно удивлённый тем, что у меня такая книга есть, Распутин её подписал. Так что распутинских книг, подписанных автором, у меня прибыло. И вдруг я решился задать технический, казалось, вопрос: как он пишет свои книги, сразу на машинке или от руки? Как и думал — всё создано Валентином Григорьевичем написано от руки. Впрочем, наша русская литература, начиная с Ломоносова, также написана от руки. Распутин признался: «У меня мелкий почерк, и это моя головная боль. Но пишу я только от руки отточеным карандашом. А вот когда отдаёшь написанное на машинку, то машинистке неудобно: мелко написано. Но всё равно пишу от руки!»

После чая Распутин поднялся и извинился: дела. Я вышел следом. Валентин Григорьевич подал руку на прощание: «Всего вам доброго! Больше пишете». Я понял, что другого времени не будет, и решил попросить его что-нибудь для самарского журнала. Валентин Григорьевич открыл свой бордовый портфель, подал несколько машинописных листов: «Вот всё, что есть». Это был «Мой манифест». К данной распутинской вещи в наши отчаянные времена, когда добро и зло перемешались, когда зло часто выдаёт себя за добро, а бесовскость титится заменить совесть, у меня особое отношение.

В «Моем манифесте» Распутин напоминает о том, что бескорыстное и доброе сердце — самое важное. Но без твёрдой и доброй воли сердце беззащитно перед жизнью и вернуть любовь читателя к себе мы, писатели, сможем тогда, когда в наших книгах появится волевая, однако при этом добрая личность — герой, который сумеет постоять за Россию! Впрочем, зачем пересказывать классику? Кто ещё не знаком с распутинским «Манифестом...», пусть откроет самарский журнал «Русское эхо» № 5 за 2003 год. Да и не только этот журнал.

...В начале декабря 2007 года я получил приглашение на творческий вечер моих друзей, замечательных поэтов, земляков-самарцев Дняны Кан и Евгения Семичева. Мероприятие должно было состояться в Большом зале Центрального дома литераторов. «Ого! — подумалось, — Семичев и Кан первыми из самарских писателей пробьются на эту высокую сцену, через которую в разное время прошли лучшие писатели России». Сборы были недолгими: собраться — подпопаяться. А ещё не забыть положить в дорожный портфель книгу Распутина, только что присланную мне из Иркутска. Как славно было бы получить автограф и к этой книге! Это была «Сибирь, Сибирь». По-сибирски весомая и добротой изданная Геннадием Сапроновым. Что может быть лучше: уютно устроившись в поезде, читать хорошую книгу, словно разговаривать по душам с умным собеседником! Это было уже третье издание, с включёнными в него новыми главами «Трансис» и «Кругобайкалка» об уникальных явлениях-сооружениях рук человеческих. Железная дорога с тоннелями в горах, с мостами — и всё это на фоне неотразимого Байкала-батюшки! В последней главе, отвечая на вопрос: «Что же такое Сибирь сегодня?», Валентин Григорьевич с почти нескрываемой горечью пишет: «Если ещё 30-40 лет назад Сибирь стояла крепостью, в которой можно укрыться, кладовой, которую при нужде можно отомкнуть, силой, которую можно призвать, твёрдую, способной выдержать любой удар, слабой, которой предостигает погреть, то теперь, не успев прийти в себя от последствий безумного «покарательства» в эпоху больших строев, она стала жертвой хитрых и одно-

временно грубых махинаций проходимцев, самим себе устроивших распродажу общей собственности». Ножом по сердцу полоснуло от этих слов — простых как правда и насупных как хлеб... А завершает писатель свои размышления о Сибири в этой книге так: «Хозяина бы ей, заступника, умного строителя, доброго врача-лекаря... Подумалось: а ведь, несмотря на ужасы современного состояния Сибири, ни один из нас не устал верить в то, что именно Сибирью возродится Россия!»

Приехав в Москву и поселившись в Перedelкино, пришёл я, как водится, в правление Союза писателей России. В кабинете у первого секретаря Геннадия Иванова, как всегда, былолюдно. Знакомые и незнакомые писатели. Среди них Валентин Григорьевич. А я, как назло, оставил в Перedelкино, не прихватив с собой книгу, что привёз из дома за тридцать земель, дабы взять автограф Распутина. Валентин Григорьевич словно угадал мой недурочение, похлопал по своему портфелю: «К сожалению, нет ничего с собой сегодня, чтобы подарить вам!» Но я ответил: «Всё равно без подарка от вас не уйду. Что-нибудь придумаю», — и отправился в кабинет, где не однажды видел большую фотографию Распутина за стеклом книжного шкафа. Объяснил ситуацию радужной хозяйке Светлане Вьюгиной... Валентин Григорьевич я нашёл в приёмной Союза писателей, около знаменитого круглого стола. Увидев меня с фотографией, он улыбнулся и подписал: «Эдуарду Анашкину дружески всегда. В.Распутин. 10.12.2007 года». Ныне это фото занимает почётное место на стене моего кабинета. Всякий раз, садясь за рабочий стол и глядя на фотографию, вспоминаю заветы Распутина из его статьи «Тридцать лет спустя» (журнал «Сибирь», № 1, 2004):

а) жить по совести;
б) подержать себя в нравственной чистоте и правде;
в) не поддаваться унынию и робости перед грядущим злом;
г) на виду у транжирства, бестыщества и окаянства обходиться малым в материальных и физических потребностях, а духовные обращать к спасительному лону матери нашей России.